

Зыбучие пески

Про книгу

У талантливой пианистки Каролины Верлен на археологических раскопках таинственным образом пропадает сестра. Пытаясь разузнать хоть что-нибудь о её исчезновении, Каролина отправляется в поместье Стейси. Скрывая истинную цель своего визита, Каролина становится учительницей музыки в доме местного аристократа сэра Уильяма Стейси. Но, пытаясь пролить свет на исчезновение сестры, Каролина оказывается втянутой в тайны поместья. Здесь у каждого есть секрет и маска, скрывающая истинную натуру. Неожиданно поместье потрясает мрачное известие: молодая жена сына сэра Стейси исчезла. Так же загадочно, как и сестра Каролины. Помощник викария Годфри отправляется на поиски вместе с леди Верлен.

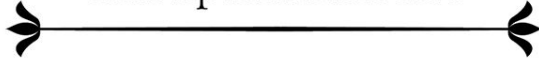
Х ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Зыбучие пески

Лабиринты любви

КСД

Лабиринты любви

VICTORIA HOLT

The Shivering Sands

A Novel

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Зыбучие пески

Роман

ХАРЬКОВ
2021 **КСД**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9241-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Печатается по изданию:

V. Holt. The Shivering Sands / Victoria Holt. — Naperville : Sourcebooks Casablanca, 2013. — 352
р.

Перевод с английского *Инны Паненко*

Дизайн обложки

CreaLab

Creative Laboratory

У талановитої піаністки Кароліни Верлен на археологічних розкопках таємничим чином зникає сестра. Намагаючись дізнатися хоч що-небудь про її зникнення, Кароліна вирушає в маєток Стейсі. Приховуючи справжню мету свого візиту, Кароліна стає вчителькою музики в маєтку місцевого аристократа сера Вільяма Стейсі. Але, намагаючись пролити світло на зникнення сестри, Кароліна виявляється втягнутою в таємниці маєтку. Тут у кожного є секрет і маска, що приховує справжню натуру. Несподівано маєток вражає

похмура звістка: молода дружина сина сера Стейсі зникла. Так само загадково, як і сестра Кароліни. Помічник вікарія Годфрі вирушає на пошуки разом з леді Верлен.

Холт В.

X73 Зыбучие пески : роман / Виктория Холт ; пер. с англ. И. Паненко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 432 с. — (Серия «Лабиринты любви», ISBN 978-617-12-9102-7)

ISBN 978-617-12-8940-6

У талантливой пианистки Каролины Верлен на археологических раскопках таинственным образом пропадает сестра. Пытаясь разузнать хоть что-нибудь о ее исчезновении, Каролина отправляется в поместье Стейси. Скрывая истинную цель своего визита, Каролина становится учительницей музыки в доме местного аристократа сэра Уильяма Стейси. Но, пытаясь пролить свет на исчезновение сестры, Каролина оказывается втянутой в тайны поместья. Здесь у каждого есть секрет и маска, скрывающая истинную натуру. Неожиданно поместье потрясает мрачное известие: молодая жена сына сэра Стейси исчезла. Так же загадочно, как и сестра Каролины. Помощник викария Годфри отправляется на поиски вместе с леди Верлен.

УДК 821.111

© Victoria Holt, 1969

© DepositPhotos.com / eric1513, Tartalia, AntonMatyukha, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2021

Сюжет романа — художественный вымысел. Имена, персонажи, места и события являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, событиями или местами совершенно случайны.

Глава 1

Я все гадаю, с чего же начать свою историю. Стоит ли начать ее с того дня, когда я присутствовала на церемонии венчания Нэпира и Эдит в маленькой церквушке в поместье Милл? Или когда я сидела в поезде, исполненная решимости докопаться до правды в истории с исчезновением моей сестры Ромы? Столько всего важного предшествовало каждому из этих значимых событий! Решено, начну-ка я со второго, поскольку именно тогда путь назад был отрезан — я оказалась вовлечена в происходящее.

Исчезла моя практичная, моя благоразумная сестра Рома. Шло расследование, выдвигались теории, но никаких следов, говоривших о том, куда она могла подеваться, обнаружено не было. Я решила, что ключ к разгадке тайны ее исчезновения следует искать там, где ее видели в последний раз. Я была всерьез настроена выяснить, что же с ней произошло. Поиски Ромы помогали мне преодолевать сложный период моей собственной жизни. В поезд садилась одинокая, утратившая всякую надежду женщина. Если бы я была сентиментальной, я бы сказала «женщина с разбитым сердцем». Но сентиментальной меня не назовешь. На самом деле я настоящий циник, по крайней мере, сама себя в этом убедила. Меня превратила в циника жизнь с Пьетро. А теперь я осталась без Пьетро, словно выброшенная на берег щепка — потерянная, никому не нужная. Оставшись без гроша, я должна была найти средства к существованию, и представившаяся мне возможность выглядела великодушным подарком судьбы.

Когда стало ясно, что следует что-то предпринять, если я хочу сносно питаться и иметь над головой крышу, а не прохудившееся решето, я попыталась давать уроки и даже набрала пару учеников, но за свою работу получала сущие гроши. Тогда я верила, что со временем я обрасту клиентами, а возможно, и открою миру юного гения, и жизнь моя обретет смысл. Но пока же слух мой постоянно услаждала какофония сбивчивых аккордов из «Голубых колоколов

Шотландии»¹, и ни один будущий Бетховен так и не уселся на мой стул перед фортепиано.

Я была женщиной, которая уже вкусила жизни — и ощутила ее горечь. Нет-нет, как и всякая жизнь, моя имела вкус горько-сладкий, но сладость развеялась, а горечь осталась. Я стала уравновешенной и более опытной: тому свидетельство — толстое золотое кольцо на безымянном пальце левой руки. Слишком молода, чтобы испить горькую чашу? Мне уже двадцать восемь, но никто не станет спорить, что в таком возрасте слишком рано становиться вдовой.

Поезд миновал графство Кент, эти «райские сады Англии», которое совсем скоро взорвется бело-розовым великолепием цветущих вишен, слив, яблонь, мимо полей хмеля и сушилок для хмеля с причудливыми крышами, нырнул в темный туннель, а через несколько мгновений его уже обласкали лучи капризного мартовского солнца. Побережье от Фолкстона до Дувра выделялось поразительной белизной на фоне серо-зеленого моря и малочисленных серых туч, гонимых по небу норовистым восточным ветром. С каждым порывом ветра волны бились об утесы и вверх взлетали мелкие серебристые брызги.

Быть может, и я, подобно этому поезду, выползла из темного туннеля на яркий солнечный свет.

Такое сравнение наверняка вызвало бы смех у Пьетро. Он бы обязательно указал на то, что в душе я — трогательный романтик, скрывающий это за напускной суетностью.

Я сразу же обратила внимание на этот изменчивый солнечный свет, на едва заметный намек безжалостности в порывах ветра... и еще более непредсказуемое море.

И тут меня охватила знакомая печаль, знакомое желание и разочарование. Из прошлого возникло лицо Пьетро, как будто говорившего: «Новая жизнь? Имеешь в виду жизнь без меня? Неужели ты искренне полагаешь, что сможешь от меня сбежать?»

«Нет! Конечно же, нет! — отвечала я. — Никогда. Ты навсегда останешься в моем сердце, Пьетро. Мне никуда не сбежать... даже после смерти».

«До самой гробовой доски», — дерзко исправила я саму себя. Это куда пафоснее. Гораздо театральнее, прямо в стиле Гранд-Опера. Так

бы сказал Пьетро — Пьетро, моя любовь и мой враг, тот, кто очаровывал и утешал, тот, кто говорил колкости, кто одновременно и вдохновлял, и топтал. Бежать некуда. Он навсегда останется со мной, где-то в тени — человек, с которым и без которого мне невозможно быть счастливой.

Но я отправилась в это путешествие не для того, чтобы вспоминать о Пьетро. Наоборот, я ставила себе цель его позабыть. Я должна думать о Роме.

Пришла пора рассказать о событиях, предшествовавших настоящему моменту: как Рома вообще оказалась в поместье Милл и как я познакомилась с Пьетро.

Рома старше меня на два года, и, кроме нас, детей в семье больше не было. И мама, и отец были истыми археологами, для которых раскопки древних реликвий были гораздо важнее, чем родительские обязанности. Они постоянно пропадали на раскопках, а их отношение к нам, дочерям, можно назвать отстраненно благожелательным, по крайней мере, они нам ничего не навязывали, поэтому и сопротивления не встречали. Мама вообще была необыкновенным явлением — в ту пору женщины, занимающиеся археологией, встречались редко, но именно благодаря своему увлечению она и познакомилась с отцом. Они поженились, вне всякого сомнения, надеясь, что впереди их ждет жизнь, полная исследований и открытий; и они наслаждались такой жизнью, пока идиллию не прервало появление Ромы, а потом и мое. Нельзя сказать, что рождение дочерей стало долгожданным событием, но они были настроены исполнить свой родительский долг, поэтому уже с юных лет нам показывали снимки кремниевого и бронзового оружия, обнаруженного в Великобритании. Ожидалось, что мы проявим к ним неподдельный интерес, сродни тому, что большинство маленьких детей проявляют к картинкам-загадкам. И вскоре стало совершенно очевидно, что Рома действительно проявляет ожидаемый интерес. Отец списывал отсутствие такового у меня на юный возраст.

— Еще полюбит, — говаривал он. — В конце концов, Рома на два года старше. Каролина, ты только взгляни, сохранившаяся римская баня. Практически не тронутая временем. Что скажешь, а?

Рома уже стала их любимицей. И не потому, что стремилась добиться родительской любви. Эта всепоглощающая страсть была у нее в крови, ей не приходилось притворяться. А я, как это ни цинично для столь юной особы, все время пыталась поднять собственную значимость в глазах родителей. Хотя бы на уровень собранного из кусочков ожерелья бронзового века. Нет, вряд ли. Что уж говорить о римской мозаике на полу! Или, может, до уровня наконечника из каменного века? Вот это скорее, поскольку кремниевые наконечники были довольно частой находкой.

— Как жаль, — жаловалась я Роме, — что наши родители не похожи на остальных! Мне бы хотелось, чтобы временами они злились, как *обычные* родители... быть может, даже иногда отшлепали — разумеется, оправдывая себя тем, что делают это во имя нашего же блага. Вот была бы потеха.

Рома сухо парировала:

— Не говори глупостей! Ты была бы вне себя, если бы тебя отшлепали. Сама лягалась бы и кричала. Уж я-то тебя знаю. Всегда хорошо там, где нас нет. Когда я немного подрасту, папа возьмет меня на раскопки.

Глаза ее заблестели: Рома дождаться не могла, когда же этот день настанет.

— Нам постоянно повторяют, что, когда вырастем, мы должны заняться *полезным* делом.

— Ну и? Все верно.

— Но это означает одно: мы должны стать археологами.

— Нам очень повезло, — заявила Рома. Она всегда высказывалась безапелляционно, поскольку была уверена в собственной правоте. Откровенно говоря, она делала заявления лишь тогда, когда была в ней уверена. В этом вся Рома.

Я же росла иной, легкомысленной. Мне нравилось играть словами больше, чем реликвиями прошлого. Я всегда веселилась там, где следовало бы сохранять серьезность. Я казалась в семье белой вороной.

Мы с Ромой частенько бывали в Британском музее, с которым сотрудничал наш отец. Нам приказывали развлекаться самостоятельно, давая понять, что предоставили доступ в святая святых. Помнится,

я шагала по святым камням, останавливалась, прижималась носом к холодному стеклу витрин, чтобы рассмотреть повнимательнее оружие, гончарные изделия, украшения. Рома была от всего этого в восторге, а повзрослев, даже стала носить необычные бусы, чаще всего из грубо обработанной бирюзы, кусочков янтаря или криво посверленного сердолика — все ее украшения всегда выглядели старомодными, доисторическими, как будто их достали из заброшенной пещеры. Наверное, именно поэтому они ее и привлекали.

Позже я нашла и собственное увлечение. С самого детства, насколько себя помню, меня интересовали звуки. Мне нравилось слушать, как журчит вода, нравился звук бьющего из земли источника, цокот копыт по мостовой, крики уличных торговцев; нравилось, как гулял ветер между грушевыми деревьями в нашем крошечном, обнесенном забором саду у дома возле музея, нравились детские крики, весенний щебет птиц, неожиданный лай собак. Я могла расслышать музыку даже в капающей из крана воде — в звуке, который большинство людей просто раздражал. Когда мне исполнилось пять, я уже могла подобрать мелодию на пианино, могла часами просиживать на вертящемся стуле, и мои пухленькие ручки, которые еще совсем недавно умиляли младенческими «перевязочками», извлекали чудесные звуки.

— Если при этом она молчит... — пожимали плечами нянюшки.

Заметив мое увлечение, родители снисходительно смирились. Музыка, разумеется, не археология, однако вполне достойная замена; и в свете того, что случилось, мне стыдно признаться, что передо мной оказались открыты любые возможности.

Рома была бальзамом на их души; еще со школьной скамьи она проводила время с родителями на раскопках. Я же занималась музыкой, поэтому оставалась дома, под присмотром нашей экономки, и играла на пианино. Я демонстрировала недюжинный прогресс, и для меня приглашались лучшие учителя, хотя мы были не слишком-то богаты. Отец получал пристойное жалованье, но большую часть своего дохода тратил на раскопки. Рома изучала археологию, и наши родители уверяли, что она пойдет значительно дальше, чем смогли они, поскольку открытия способствуют расширению знаний не только о прошлом, но и о методах работы.

Бывало, я слушала их разговоры. Для меня они звучали некой тарабарщиной, но больше я не была паршивой овцой, ибо все уверяли, что я достигну небывалых высот в музыке. Уроки музыки были истинным удовольствием для меня и моих учителей. И когда я вижу неловкие пальчики на клавишах, всегда вспоминаю те дни удивительных открытий — первую радость, полное растворение в удовольствии. Я стала терпимо относиться к своей семье. Теперь я понимала, что они чувствуют по отношению к своим бронзе и кремню. Жизни было что мне предложить. Она подарила мне Бетховена, Моцарта и Шопена.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я отправилась учиться в Париж. Рома уже училась в университете, а все каникулы она проводила на раскопках, поэтому мы редко виделись. Мы всегда с ней ладили, хотя никогда не были близки, никогда не были подругами, имея совершенно разные интересы.

Именно в Париже я встретила Пьетро, наполовину француза, наполовину итальянца. У нашего учителя музыки был большой дом неподалеку от улицы Рю-де-Риволи, там мы, студенты, и жили. Мадам, его жена, владела чем-то вроде пансиона, а это означало, что все мы обитали вместе под одной крышей.

Как же мы были счастливы, когда прогуливались в парке Буа, сидели на летних площадках кафе и мечтали о будущем! Каждый из нас считал себя избранным, верил в то, что его имя однажды прогремит по всему миру. Мы с Пьетро подавали самые большие надежды. Оба были амбициозны и уверенно шли к своей цели. Сперва мы испытывали друг к другу неприязнь, но вскоре совершенно очаровали друг друга. Мы были молоды. Париж весной — идеальное место для влюбленных, и мне показалось, что я до сего часа вообще не жила. Я уверяла себя, что те исступленный восторг и отчаяние, которые я испытала, и были истинными чувствами. Мне жаль тех, кто не обучался музыке в Париже и не познал любви своего одноклассника.

Пьетро всецело отдавался музыке. В глубине души я осознавала, что он превосходит меня талантом, и это делало его еще важнее для меня. Мы были совершенно разными. Я держалась отстраненно, хотя мной владели иные чувства. Он с самого начала знал, что я поглощена

музыкой не меньше, чем он. И все же ему нравилось мое умение это скрывать. Он был совершенно серьезен в своей преданности; я же могла притвориться, что к своей отношусь легкомысленно. Я редко вела себя заносчиво; а он редко вел себя иначе, поэтому моя безмятежность бросала ему постоянный вызов, поскольку его настроение менялось каждый час. Он мог черпать вдохновение в радостном осознании собственной гениальности; но в мгновение ока его могло охватить отчаяние, если он сомневался в собственных абсолютных и неоспоримых талантах. Как и большинство художников, он был беспощаден и не мог совладать с завистью. Когда меня хвалили, он в глубине души злился и пытался чем-то уколоть; но когда мне что-то не удавалось и мне требовалось утешение, более сочувствующего человека трудно было найти. В такие минуты он становился самым благожелательным другом. Из-за этого всецелого понимания и абсолютной поддержки я и полюбила его. Как жаль, что тогда я не могла видеть его насквозь, как вижу теперь его призрак, который постоянно появляется рядом со мной.

Мы стали пререкаться.

— Отлично, Франц Лист! — вскричала я, когда он исполнил на фортепиано одну из «Венгерских рапсодий», откидывая назад львиную гриву, имитируя великого композитора.

— Зависть — бич всех великих мастеров, Каро.

— Тебе ли не знать!

Он спорить не стал.

— В конечном счете, — заметил он, — для величайших из нас можно сделать исключение. Со временем ты это сама поймешь.

Пьетро был прав. Со временем я сама это поняла.

Он говорил, что я отличный интерпретатор. С помощью клавиш я умею творить чудеса, но истинный артист — это творец.

Я парировала:

— Следовательно, это ты написал рапсодию, которую только что исполнил?

— Если бы сам автор услышал, как я играю, он бы понял, что прожил жизнь не зря.

— Зазнайка! — поддразнила я.

— Скорее это уверенность гения, дорогая Каро.

И в этой шутке была доля правды. Пьетро действительно верил в себя. Он жил ради музыки. Я постоянно подтрунивала над ним; я цеплялась за наше соперничество, скорее всего, подсознательно подозревая, что именно этот дух соперничества и привлек его во мне. Я бы не стала уверять, что, любя его, я не желала ему всемирного успеха. Откровенно признаюсь, я готова была ради него пожертвовать собственными амбициями — что мне и пришлось доказать. Но наши ссоры были особой формой любви, иногда даже казалось, что его желание продемонстрировать мне, что он во всем превосходит меня, — движущая сила его чувства ко мне.

Нет смысла искать оправдания. Все, что Пьетро говорил обо мне, — правда. Я действительно хорошо умею интерпретировать, техника исполнения — мой конек. Но я не художник в широком смысле этого слова: настоящий творец не позволяет отвлечь себя от главной цели никаким иным желанием и порывам. Я слишком мало трудилась, в поворотный момент своей карьеры я споткнулась, потерпела фиаско, и все связанные со мной ожидания так никогда и не оправдались; и пока я мечтала о Пьетро, сам Пьетро мечтал об успехе.

Неожиданно моя жизнь перестала быть размеренной. Позже во всем, что произошло, я винила судьбу-злодейку. Мои родители отправились в Грецию на раскопки. Рома тоже должна была поехать с ними, поскольку к тому времени она уже стала знающим археологом, но сестра написала мне, что у нее командировка на Вал — разумеется, Адриана², — поэтому она не сможет составить родителям компанию. Если бы она не отправилась на Вал, мне, скорее всего, не пришлось бы ехать в поместье Милл, скажу больше, на мой взгляд, в этом месте не было ничего примечательного. Родители погибли в железнодорожной катастрофе по пути в Грецию. Я приехала на похороны, несколько дней мы с Ромой провели вместе в нашем старом доме в окрестностях Британского музея. Я была раздавлена, а что уж говорить о бедняжке Роме, которая была так близка с родителями. Какая горечь утраты! Она, как всегда, отнеслась к произошедшему философски: они погибли вместе, намного более трагично было бы, если бы выжил кто-то один. Они прожили счастливую жизнь. Вместо того чтобы скорбеть, она занялась всеми необходимыми

формальностями, а потом вернулась к работе на Вал. Моя сестра была практичной, щепетильной, она никогда не поддавалась эмоциям, в отличие от меня. Рома сказала, что мы продадим дом и мебель, а полученную сумму поделим пополам. Денег выручили не слишком много, но моей части наследства хватило, чтобы получить музыкальное образование. И я должна быть благодарна и за это.

Смерть всегда сбивает с толку, и я с тяжелым сердцем, как в тумане, вернулась в Париж. Я много думала о родителях и еще острее испытывала благодарность за то, что раньше принимала как само собой разумеющееся. В конечном итоге, как я уже говорила, горечь утраты и стала причиной того, что я поступила так, а не иначе. Пьетро ждал меня; теперь он «стоял у руля»; он превзошел всех нас; он уже начал возводить между нами и собой ту стену, которая отличает настоящего гения от просто талантливых музыкантов.

Он предложил мне руку и сердце. Сказал, что любит меня, понял, как сильны его чувства, пока меня не было, а когда увидел, насколько меня потрясла смерть родителей, у него возникло непреодолимое желание меня защитить, вновь сделать меня счастливой. Стать женой Пьетро! Провести всю свою жизнь рядом с ним! Даже несмотря на то, что я горько оплакивала смерть родителей, я не смогла скрыть ликования.

Наш наставник сразу понял, что происходит, поскольку всегда пристально наблюдал за нами. Уже тогда он сознавал, что я, разумеется, могу далеко пойти в музыке, но Пьетро непременно станет одной из ярчайших звезд на музыкальном небосклоне. Теперь-то я понимаю, что он задавался вопросом: поможет ли этот брак Пьетро или станет препятствовать его карьере? А моей? Естественно, просто талантливый музыкант всегда уступает место гению.

Мадам, его жена, была особой романтической. Она улучила минутку, чтобы побеседовать со мной наедине.

— Значит, ты его любишь? — спросила она. — Настолько любишь, что готова выйти за него замуж?

Я с жаром заверила ее, что люблю его безмерно.

— Не спеши. Ты пережила великое потрясение. Тебе нужно время подумать. Ты отдаешь себе отчет, как это отразится на твоей карьере?

— А как оно может отразиться? Только положительным образом. Два музыканта вместе.

— Еще какой музыкант, — напомнила она мне. — Он, как все гении, прожорлив. Уж я-то знаю. Он великий артист. Маэстро считает его гением. А твоя карьера, моя милая, всегда будет на втором месте. Если ты выйдешь за него, навсегда останешься всего лишь хорошей пианисткой... очень хорошей, бесспорно. Но, вероятнее всего, этот брак положит конец мечтам о великом успехе, о славе, деньгах. Ты об этом подумала?

Я не поверила ей: слишком была молода, да и влюблена к тому же. Должно быть, двум амбициозным людям сложно жить в гармонии, но мы-то уж точно преуспеем там, где остальные потерпели неудачу.

Пьетро засмеялся, когда я поделилась с ним опасениями мадам, и я смеялась вместе с ним. Он уверял меня, что впереди нас ждет удивительная жизнь.

— Мы до конца жизни будем работать вместе, Каро.

Поэтому я вышла замуж за Пьетро и быстро поняла, что от советов мадам не следовало так легко отмахиваться. Но мне было наплевать. У меня изменились жизненные устремления. Я уже не так сильно жаждала успеха. Единственным моим желанием стал успех Пьетро, и уже несколько месяцев спустя я была уверена, что достигла своей цели в жизни, и цель эта заключалась в том, чтобы быть рядом с Пьетро, работать с ним бок о бок, жить ради него. Но как же глупа я была, когда представляла, что жизнь — это досье, скрепленное печатью и уложенное в папку под названием «И поженились они, и жили долго и счастливо».

Первый концерт Пьетро предрешил его будущее. Он снискал громкие и бурные аплодисменты, и это были удивительные дни головокружительных успехов, когда триумф следовал за триумфом. Но жить при этом с ним легче не становилось. Он требовал служения: он — артист, а я — просто музыкант, которому сообщают о грядущих планах и который должен слушать исполнение гения. В своих самых смелых мечтах он не ожидал подобного успеха. Теперь-то я понимаю, что он был слишком молод, чтобы справиться с тем вниманием публики, которое пришло вместе с успехом. Неизбежно должны были появиться те, в чьем преклонении он просто утопал... красивые

и богатые женщины. Он всегда хотел, чтобы я держалась в тени, стала той, к кому он всегда мог вернуться, той, кто и сама была почти мастером и понимала, чего требует его творческое эго. Ближе меня у него никого не было. Кроме того, по-своему он меня любил.

Будь у меня иной темперамент, быть может, нам бы и удалось поладить. Но смирение не входило в число моих добродетелей. Я дала ему понять, что я — не безмолвная рабыня, и вскоре горько пожалела о том, что так недальновидно отказалась от собственной карьеры. Я вновь стала играть. Пьетро только посмеивался. Неужели я полагала, что человек может отмахнуться от музыки, а потом позвать ее назад, решив, что опять хочет ее видеть? Как же он был прав... У меня был шанс, я сама от него отказалась, и теперь выше профессионального уровня мне уже не подняться.

Мы постоянно ссорились. Я сказала ему, что не буду жить с ним. Уже подумывала над тем, чтобы уйти, одновременно понимая, что никуда я не денусь, как и он, к сожалению. Я беспокоилась о его здоровье, к которому он относился безрассудно и легкомысленно, хотя был не особенно крепок. Я заметила у него одышку, всполошилась и сказала об этом Пьетро, но он только отмахнулся.

Пьетро давал концерты в Вене и Риме, а еще в Лондоне и Париже. Его уже начали называть величайшим пианистом современности. К славе Пьетро относился как к чему-то естественному и неизбежному: стал еще высокомернее, торжествовал, когда читал все, что о нем писали. Ему нравилось смотреть, как я вырезаю и клеиваю заметки в книгу. Мое законное место в его жизни — это место преданной возлюбленной, которая отказалась от собственной карьеры в угоду его успеху. Но любая медаль имеет две стороны: малейшая критика вызывала у него бешенство, сразу же вздувались вены на висках и он начинал задыхаться.

Он полностью выкладывался, до глубокой ночи отмечал свой успех после концертов, а потом рано утром вставал и часами играл на фортепиано. Его окружали подхалимы. Казалось, что они необходимы ему, как воздух, чтобы подпитывать его уверенность в себе. Я была слишком требовательной и тогда еще не понимала того, насколько он был молод. Оглушительный успех, приходящий в юном возрасте, чаще всего оборачивается трагедией, а не благословением. Жизнь жестока...

бескомпромиссна. За годы брака я поняла, что никогда не стану счастлива с Пьетро, однако и своей жизни без Пьетро представить не могла.

На время цикла концертов мы переехали в Лондон, и у меня появилась возможность видеться с Ромой. Она снимала комнаты возле Британского музея, где теперь работала в периоды между раскопками.

Она ничуть не изменилась: такая же нестигаемая, рассудительная, бряцающая своими причудливыми доисторическими браслетами; на шее — цепь с неровными мутными сердоликами. Она с грустью, но мельком вспомнила родителей, потом стала расспрашивать, как у меня дела, но, разумеется, откровенничать я не стала. Я видела, что она находила странным мое решение отказаться от карьеры, на которую было потрачено столько времени и сил, ради замужества. Но Рома никогда никого не критиковала. Таких здравомыслящих и терпимых людей я еще не встречала.

— Я рада, что оказалась в Лондоне, когда ты приехала. Еще неделя, и ты меня не застала бы. Собираюсь в одно поместье под названием Милл.

— Милл?³ Там что, мельница?

— Это всего лишь название местечка. На побережье Кента... неподалеку от лагеря Цезаря, поэтому ничего удивительного. Мы там обнаружили амфитеатр, и я уверена, что нас еще ждут находки, ведь, как тебе известно, амфитеатры неизменно обнаруживали в окрестностях городов.

Мне сие было неведомо, но я воздержалась от ответа.

Рома продолжала:

— Раскопки нужно проводить на земле местного набоба. А получить его разрешение оказалось непросто.

— Серьезно?

— Этот сэр Уильям Стейси владеет большей частью земли в округе... сложный человек, можешь мне поверить. Поднял шумиху из-за своих фазанов и деревьев. Я лично с ним общалась. «Вы же не думаете, что ваши фазаны и деревья важнее истории?» — спросила я. И в конце концов я его уговорила. Он дал согласие на проведение раскопок на его участке. У него по-настоящему древний дом... больше

похожий на замок. И огромные угодья. Поэтому он не может отказать нам в такой малости.

Я не очень-то вникала в ее слова, потому что слушала вторую часть Четвертого концерта Бетховена для фортепиано с оркестром, которую сегодня вечером должен был исполнять Пьетро, и решала, стоит ли мне идти на его выступление. Я испытывала истинные муки, пока он находился на сцене, мысленно проигрывала с ним каждую ноту, опасаясь, что он может ошибиться. Как будто он когда-либо ошибался. Он боялся только одного — что сыграет хуже, чем уже когда-то играл.

— Интересное старинное местечко, — говорила о своем Рома. — Мне кажется, втайне сэръ Уильям надеется, что мы найдем в его поместье что-то ценное.

Она продолжала рассказывать о местности, о том, что надеялась там найти, время от времени пускаясь в описания жителей находящегося неподалеку большого особняка. Но я ее не слушала. Откуда мне было знать, что это окажутся последние раскопки Ромы и что мне следует выяснить все об этом месте?

Смерть! Как же она нависает над нами, когда мы меньше всего ждем... Я заметила, что она точно бьет в одну цель несколько раз подряд. Неожиданно погибли мои родители, а до этого я о смерти вообще не задумывалась.

Из Лондона мы с Пьетро вернулись в Париж. В тот день все шло как обычно, у меня не было никаких предчувствий. Пьетро должен был исполнять «Венгерские танцы»⁴ и «Рапсодию № 2»⁵. Он был весь на нервах — впрочем, как обычно перед выступлением. Я сидела в первом ряду партера, и Пьетро мог отлично меня видеть. Иногда мне казалось, что он играет лично для меня, как будто говоря: «Вот видишь, ты никогда не достигнешь такого уровня. Ты всего лишь искусная исполнительница». Так же было и тем вечером.

Потом он отправился в гримерку и упал. Сердечный приступ. Умер он не сразу, но судьба отпустила нам всего два дня. Я постоянно находилась рядом с ним, я верю, что он знал о моем присутствии и время от времени смотрел на меня своими темными пронизательными глазами. Отчасти с насмешкой, отчасти с любовью, как будто говоря, что он вновь меня обыграл. Два дня спустя он умер,

избавив меня от необходимости скорбеть и всю жизнь страдать под грузом этих любовных цепей.

Рома, как и подобает хорошей сестре, оставила свои раскопки и примчалась в Париж на похороны, которые поистине были королевскими. Музыканты со всего мира присылали свои соболезнования, а многие прибыли лично, чтобы в последний раз отдать дань уважения гению. Смерть Пьетро сделала его еще более популярным, нежели при жизни. Ах, как бы он тешился этим признанием!

Но когда улеглась суэта после похорон, я осталась одна, безутешная, в такой черной бездне — казалось, большего отчаяния никто не испытывал.

Милая Рома! Единственный лучик надежды в те дни! Она доказала, что готова ради меня на все, — я была безмерно тронута. Раньше, бывало, я чувствовала себя лишней, когда сестра с родителями обсуждали совместную работу; теперь это чувство исчезло. Появилось удивительное ощущение слияния, семейных уз. Я была благодарна Роме.

Она предложила величайшее из возможных утешений.

— Вернемся в Англию, — сказала она. — Поедем на раскопки. Тамошние находки превзошли все наши ожидания — одна из лучших римских вилл за пределами Веруламия⁶.

Я улыбнулась, мне захотелось сказать, как сильно я ей благодарна.

— От меня там будет толку чуть, — возразила я. — Буду только под ногами путаться.

— Вздор! — Она вновь вошла в роль старшей сестры, готовой заботиться обо мне даже вопреки моему желанию. — Ты поедешь в любом случае.

Вот так я отправилась в имение Стейси и нашла утешение в компании сестры. Я очень гордилась ею, когда она познакомила меня со своими приятелями. На месте раскопок стало заметно, каким уважением она пользуется среди коллег. Она с присущим ей восторгом говорила о работе, и поскольку я была рада находиться в ее обществе, а сама Рома, никогда ранее не показывавшая, что привязана ко мне, сейчас совершенно не скрывала сестринских чувств, я отчасти

увлеклась археологией. Эти люди казались так истово увлеченными артефактами, что невозможно было оставаться равнодушной. Неподалеку от места раскопок римской виллы находился небольшой сельский коттедж, в котором сэра Уильяма Стейси милостиво разрешил пожить Рома. Я поселилась вместе с сестрой. Жилище было очень скромное, всего две кровати, стол и пара стульев — вот, пожалуй, и вся меблировка. Подвал загроможден археологическим инструментом: лопатами, граблями, кирками, совками, ручными мехами. Рома была влюблена в это место, поскольку, по ее словам, коттедж находился очень близко к месту раскопок, а остальным членам группы пришлось селиться у местных жителей или в таверне.

Она водила меня смотреть на находки, показала мозаичную мостовую — предмет истинного восхищения; она указывала на геометрический рисунок белой меловой породы и красного песчаника; настояла на том, чтобы я лично осмотрела все три бани, которые они обнаружили. Это, по ее словам, свидетельствовало о том, что дом принадлежал кому-то из знатных и богатых вельмож. А еще здесь были тепидарий⁷, кальдарий⁸, фригидарий⁹. Римские слова непринужденно слетали с ее губ, а я вновь почувствовала себя живой из-за ее восторженных речей.

Мы вместе ходили на прогулки, с каждым разом становясь все ближе и ближе, как никогда до этого. Она повезла меня в Фолкстон показать лагерь Цезаря; мы вместе отправились на холм Сахарная Голова и к колодцу Святого Томаса, где останавливались путники по дороге к усыпальнице святого Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского, чтобы передохнуть и испить воды. Мы вместе взобрались на двадцатиметровую высоту, на вершину лагеря Цезаря, и мне никогда не забыть, как она стояла на вершине, а ветер играл ее волосами, и глаза ее светились от восторга, когда она указывала на полевые укрепления и траншеи. День стоял ясный, и когда я обвела взором эти двадцать миль спокойного полупрозрачного моря, отчетливо смогла разглядеть местность, которая была Галлией Цезаря. Здесь нетрудно было представить себе целые легионы на марше.

С очередной оказией мы отправились в замок Ричборо — одну из значимых реликвий Британии времен римских завоеваний, как объяснила мне Рома.

— Рутупиа, — называла его Рома. — Император Клавдий основал здесь главный форт для легионов, прибывающих морем из Болоньи. Эти стены служат прекрасной иллюстрацией того, какой внушительной была эта крепость.

Ей доставляло истинный восторг показывать мне винные погреба, амбары, руины храмов, и невозможно было не разделять ее увлеченности, когда она демонстрировала мне все эти чудеса — развалины массивных стен из портлендского камня, бастион и боковые ворота, подземный ход.

— Тебе следует заняться археологией. Завести себе хобби, — уговаривала она меня отчасти с тоской, отчасти с надеждой.

Она искренне полагала, что если я увлекусь наукой, то обязательно заполню пустоту в своей жизни. А мне так нужно было заполнить эту пустоту! Мне хотелось ответить ей, что она сама и заполняет образовавшуюся пустоту; хотелось, чтобы она знала: ее забота и тепло и без того помогают мне ощущать себя не такой одинокой.

Но заикнись я об этом, Рома бы обязательно воскликнула: «Что за ерунда!» — если бы я попыталась ее поблагодарить. Но я пообещала себе, что в будущем мы обязательно будем видеться чаще, я обязательно буду интересоваться ее работой; я обязательно скажу ей, как рада тому, что у меня есть такая сестра.

И в попытках отвлечь меня от горьких мыслей она привлекла меня к работе: восстанавливать мозаичную кладку, которую обнаружили на месте раскопок. Работа эта требовала профессиональных знаний и навыков, поэтому моя задача состояла в том, чтобы подносить необходимые кисти и растворы. Это был желтоватый диск с неким рисунком. Наша цель заключалась в том, чтобы отреставрировать мозаику и вернуть ей первоначальный вид. Крайне деликатная работа, как сказала Рома, не дай бог что-нибудь сдвинуть. Но когда раскопки будут закончены, эта мозаика займет достойное место в Британском музее. Мне нравились осторожность и щепетильность, с которыми проводилась реставрация. И я вновь поймала себя на том, что волнуюсь, когда кусочки собираются воедино.

А потом я открыла для себя саму усадьбу Стейси — большой особняк, возвышающийся над окрестностями, благодаря владельцу которого Рома с коллегами получили разрешение на раскопки.

Я набрела на особняк неожиданно, и тут же у меня дух захватило от увиденного. В раскинувшемся пейзаже доминировала надвратная башня. Она состояла из центральной башни, по обе стороны которой располагались восьмиугольные башни повыше. Защитные. Я взглянула наверх, на эти зубчатые стены с бойницами, и была поражена веющей от них мощью и силой. В башне виднелись узкие окна. Через ворота можно было разглядеть высокие каменные стены. К воротам вела дорога, по обе стороны от которой так же располагались поросшие мхом и лишайником каменные стены. Я смотрела, как завороченная, и впервые с момента смерти Пьетро хотя бы на пару минут перестала думать о нем, а вместо этого испытала непреодолимое желание пройтись по этой дороге, войти в ворота, чтобы увидеть, что же находится по ту сторону стены. Я уже двинулась было в том направлении, но увидела, что вход стерегут резные горгульи — злобные на вид, язвительные создания, — и застыла в нерешительности. Они как будто предупреждали меня, чтобы я держалась подальше, — и я вовремя остановилась. Нельзя бесцеремонно вторгаться в чужой дом просто потому, что тот вызвал интерес.

Я вернулась в наш коттедж. После увиденного эмоции переполняли меня.

— Ох уж это поместье Стейси! — воскликнула Рома. — Слава богу, что они не построили особняк на месте виллы.

— А кто эти Стейси? — поинтересовалась я. — Там живет целая семья?

— О да.

— Любопытно узнать о тех, кто живет в подобной крепости.

— Меня волновал только сэр Уильям — старик. Он лорд и хозяин поместья. И только он мог дать столь необходимое нам разрешение.

Милая Рома! У нее мне ничего не узнать. Она воспринимает жизнь лишь сквозь призму археологии.

Но я вскоре встретила Эсси Элджин.

Когда я только начинала заниматься музыкой, меня отправили в музыкальную школу, и мисс Элджин была одной из моих учителей. Гуляя по небольшой деревушке имения Милл в паре километров от места раскопок, я встретила на главной улице Эсси. Несколько секунд мы в изумлении взирали друг на друга, а потом она произнесла со своим незабываемым шотландским акцентом:

— Вы только посмотрите! Глазам не верю. Крошка Каролина?

— Крошка уже выросла, — ответила я. — Разумеется, это я... мисс Элджин.

— И каким ветром вас сюда занесло? — допытывалась она.

Я рассказала. Она печально кивнула, когда я упомянула Пьетро.

— Ужасная трагедия! — воскликнула она. — Я слушала его в Лондоне, когда он в последний раз выступал. Специально приезжала на его концерт. Великий музыкант!

Она с грустью взглянула на меня. Я знала, что она думает обо мне. Жалеет, как все учителя, когда ученики не оправдывают их ожиданий.

— Зайдем ко мне в гости, — пригласила она. Последнее слово она произнесла в нос: «хости». — Я поставлю чайник, и мы пощечем о том о сем.

И я приняла приглашение. Она рассказала мне, как оказалась в поместье Милл: ей хотелось жить у моря, и она пока не готова расстаться со своей независимостью. У нее есть младшая сестра, живущая в трех-четыре мили от Эдинбурга, которая хочет, чтобы Эсси перебралась к ней поближе. Мисс Элджин обдумывает это предложение. А здесь она наслаждается, так сказать, «последними годами свободы».

— Даете уроки? — спросила я.

Она поджала губы:

— Кому-то приходится давать уроки, милая моя. Здесь у меня небольшой домик, довольно симпатичный. Я даю уроки нескольким юным леди из имения Милл. Доход невелик, но положение улучшилось, когда у меня появились юные ученицы из хозяйского дома.

— Хозяйского дома? Вы имеете в виду усадьбу Стейси?

— А что же еще? Это наш хозяйский особняк, и, слава богу, там живут целых три молодых леди, которые обучаются музыке.

Эсси Элджин была прирожденной сплетницей, ее не приходилось подталкивать к откровениям. Она понимала, что моя собственная карьера — слишком болезненная тема, поэтому охотно переключилась на своих учениц из хозяйского особняка.

— Что за дом! Там всегда разворачивается какая-то драма, скажу я вам. А вскоре нас ждет свадьба. Сэр Уильям только об этом и мечтает. Он хочет увидеть этих двоих мужем и женой. Тогда он будет счастлив.

— Кого именно? — уточнила я.

— Мистера Нэпира и юную Эдит... хотя, по-моему, она еще слишком молода. Если не ошибаюсь, семнадцать лет от роду. Конечно же, некоторые уже в семнадцать... но только не Эдит... нет-нет, только не Эдит.

— Эдит — наследница дома?

— Можно сказать и так. Она не дочь сэра Уильяма. О, это довольно запутанное семейство, молодых дам не связывают родственные узы. Сэр Уильям — опекун Эдит. Она живет в семье последние пять лет... с тех пор, как умер ее отец. Мать ее преставилась, когда Эдит была еще крошкой, ее воспитывали экономки и слуги. Отец ее был близким другом сэра Уильяма. Он владел большим имением за Мейдстоном... которое продали после его кончины, и все вырученные деньги получила Эдит. В широком смысле ее можно назвать наследницей и поэтому... Ее отец назначил сэра Уильяма опекуном дочери, и после смерти отца девочка переехала в поместье Стейси. Сэр Уильям относится к ней как к родной дочери. А теперь он вернул домой Нэпира, чтобы они с Эдит поженились.

— А Нэпир — это...?

— Сын сэра Уильяма. Которому было отказано от дома! Там целая история, скажу я вам. Есть еще Аллегра. Насколько я знаю, какая-то родственница сэра Уильяма. Она считает его своим дедом. Истинная маленькая фурия, да еще и строит из себя... Именем управляет экономка, миссис Линкрофт. У нее есть дочь Элис. Таким образом, у меня три воспитанницы: Эдит, Аллегра и Элис. И несмотря на то, что Элис — всего лишь дочь экономки, ей позволено брать уроки, поэтому я с ней тоже занимаюсь. Ее растят как истинную леди.

— А этот... Нэпир? — спросила я. — Какое странное имя!

— Имя, которым традиционно называют мальчиков в этой семье. Редкое для английских семей... семей, которые дают детям имена и по отцовской, и по материнской линии. Так я слышала. История его имени довольно необычна. Я ее так и не запомнила, но его брат Бомонт умер... да, Бомонт — еще одно традиционное имя. Его убили, а обвинили в убийстве Нэпира. Он покинул отчий дом, а вот сейчас вернулся, чтобы жениться на Эдит. Подозреваю, что он вернулся именно на этих условиях.

— Как это — обвинили?

— В округе не очень-то судачат о Стейси, — посетовала она. — Боятся сэра Уильяма. Всем известен его необузданный нрав. А большинство жителей здесь — его арендаторы. Как здесь говорят: бесчувственный сухарь. Должно быть, в этом есть доля правды, раз Нэпиру отказали от дома. С удовольствием узнала бы все подробности этой истории, но не могу же я спрашивать девочек напрямик!

— Меня очень привлек сам особняк. Есть в нем что-то зловещее. Издали он показался таким красивым, и когда я подошла к основным воротам поближе... ух...

Эсси засмеялась.

— У вас слишком бурная фантазия, — улыбнулась она.

Потом она попросила меня что-нибудь сыграть для нее, я села за пианино, как в былые времена моей юности. Еще до того, как я уехала учиться за границу, до того, как познакомилась с Пьетро, до того, как упустила собственный шанс.

— Да уж! — вздохнула она. — Прекрасная манера исполнения. Какие у вас планы?

Я покачала головой.

— Бросьте, милая, — укорила она. — Это не выход. Возвращайтесь в Париж, оглядитесь, возможно, удастся начать все с чистого листа.

— С чистого листа... до замужества?

Она промолчала. Вероятно, она понимала, что хотя я талантливая пианистка и могла бы стать хорошим учителем, мне все же не хватает искры божьей. Ее у меня забрал Пьетро; нет, если бы она у меня была, я никогда бы не пожертвовала карьерой ради замужества.

Наконец она нарушила молчание:

— Подумайте об этом... и поскорее возвращайтесь.

Я отправилась назад в наш небольшой коттедж, по дороге размышляя об Эсси, о былых днях и планах на будущее. Но перед моим мысленным взором то и дело возникал внушительный особняк, населенный мрачными и непостижимыми особами. Пока они были для меня всего лишь именами и тем не менее, казалось, жили своей собственной жизнью.

Я помню эти дни, как будто это было вчера. Я сидела в коттедже, наблюдая, как под умелыми пальцами реставраторов проступает мозаика, иногда заходявила к Эсси, чтобы выпить чаю или часок поиграть на пианино. Мне кажется, что Эсси хотела предостеречь меня, чтобы я не оказалась в ее положении: она уговаривала меня не медлить и поскорее возвратиться к прежней жизни.

Однажды она сказала мне:

— Свадьба уже в субботу. Хотите посмотреть?

Вот так я и оказалась в церкви и увидела, как Нэпир венчается с Эдит. Они вместе шли по проходу — она такая красивая и хрупкая, а он — худощавый и темный, хотя я сразу отметила его голубые глаза, ярко сияющие на смуглом лице. Мы с Эсси сидели на заднем ряду в церкви, когда они проходили мимо, а орган играл вальс Мендельсона. Меня охватило странное чувство, когда они проходили мимо, — я бы даже сказала, почти предчувствие. Нет, не то. Наверное, это ощущение возникло из-за несовместимости этой пары: бросалось в глаза, что они были совершенно разными людьми. Невеста выглядела такой юной, такой утонченной, и мне показалось, что я действительно заметила опасение на ее лице. Я подумала: да она просто его боится. И вспомнила тот день, когда мы с Пьетро поженились. Как мы вместе смеялись, как подшучивали друг над другом, как любили друг друга. «Бедняжка», — подумалось мне. Да и жених, похоже, не лучился счастьем. Что же читалось на его лице? Смирение? Скука? Цинизм?

— Из Эдит получилась прекрасная невеста, — сказала Эсси. — А после медового месяца она продолжит брать свои уроки. На этом настаивает сэр Уильям.

— Серьезно?

— О да. Сэр Уильям очень увлечен музыкой... в последнее время. Хотя бывали часы, когда он не переносил ее в своем доме. А Эдит

далеко не бесталанна. О, ничего выдающегося, но она хорошо играет, поэтому глупо было бы бросать музыку.

Мы с Эсси отправились к ней домой на чашечку чая, по пути она рассказывала о девочках из усадьбы Стейси, об их уроках. Как способна Эдит, как ленива Аллегра, насколько усердна Элис.

— Бедняжка Элис понимает, что должна прилежно учиться. Понимаете, когда ей представляются такие шансы, грех ими не воспользоваться.

Рома поддерживала Эсси в том, что мне следует вернуться в Париж и продолжить заниматься музыкой.

— Я считаю, — сказала она, — что ты должна вернуться и закончить образование. Хотя я не совсем уверена касательно Парижа. В конечном итоге, именно там... — Она нетерпеливо подергала свои бирюзовые бусы и решила не упоминать о моем замужестве. — Если тебе это не по силам... мы могли бы придумать что-то другое.

— О, Рома! — воскликнула я. — Ты так добра. Я даже передать тебе не могу, как ты мне помогла.

— Чепуха! — резко возразила она.

— Сейчас я понимаю, как же хорошо иметь сестру.

— Совершенно естественно, что в такие времена нам стоит держаться друг друга. Ты должна почаще сюда приезжать.

Я улыбнулась и поцеловала сестру. И вернулась назад в Париж. Какую же глупость я совершила! Следовало предвидеть, что я не смогу жить в том месте, где все мне напоминало о Пьетро. Мое возвращение только подчеркнуло, насколько Париж без него пуст и насколько глупо с моей стороны было надеяться, что я смогу начать жизнь с чистого листа. Ничего не будет так, как прежде, поскольку само основание, на котором я должна строить свое будущее, исчезло.

Как же прав был Пьетро, когда говорил, что нельзя привлечь музу в надежде, что она вернется, если ты однажды ее покинул.

Я прожила в Париже целых три месяца, когда мне сообщили, что Рома исчезла.

Событие было из ряда вон выходящее. Раскопки завершились. Археологи собирали вещи и готовились сняться с места через несколько дней. Рома в то утра как раз руководила отъездом, ее

отсутствие заметили только вечером. Ее и след простыл. Казалось, что она как сквозь землю провалилась.

Величайшая тайна. Она не оставила даже записки, просто исчезла. Я вернулась в Англию в замешательстве, в глубокой депрессии и унынии. Я постоянно напоминала себе, как добра она была ко мне, как пыталась помочь, когда я скорбела. Переживая сложные недели в Париже, я убеждала себя в том, что Рома всегда будет со мной рядом, и, несмотря на всю скорбь, выстраивала новые отношения с сестрой.

Полиция опросила меня. Появилась версия, что Рома потеряла память и, возможно, сейчас где-то бродит по стране; потом появилась другая: она отправилась купаться и утонула, поскольку в этом месте берег был очень опасен. Я уцепилась за первую версию, поскольку мне она казалась наиболее утешительной, хотя я не могла себе представить Рому с амнезией. Я каждый день ожидала новостей. А новостей не было.

Кто-то из ее приятелей выдвинул предположение, что она неожиданно получила приглашение поучаствовать в какой-то таинственной экспедиции и отправилась в Египет или еще куда-нибудь. Я изо всех сил старалась уцепиться за эту утешительную версию, но понимала, что такое поведение совершенно не характерно для практичной и педантичной Ромы. Что помешало ей дать мне знать о случившемся? Что? Что могло ей помешать? Только смерть.

Я уверяла себя, что слишком поглощена темой смерти, поскольку за короткое время потеряла и родителей, и Пьетро. Рому я потерять не могла.

Я была ужасно несчастна и вскоре отправилась в Париж уладить все дела, потому что не могла больше оставаться во Франции. Я вернулась в Лондон, сняла комнаты в одном из домов Кенсингтона и разместила объявление о частных уроках на фортепиано.

Возможно, я была не слишком хорошим учителем, а может, у меня просто не хватало терпения возиться с посредственностями. В конечном итоге, я сама мечтала о славе, к тому же была женой самого Пьетро Верлена. Я едва сводила концы с концами. Деньги утекали как вода. Каждый день я надеялась получить весточку от Ромы. Я ощущала себя совершенно беспомощной, ибо не знала, как приступить к поискам сестры. И тут у меня появился шанс.

Мне написала Эсси: она приезжает в Лондон и хотела бы со мной повидаться.

Как только она приехала, я заметила, что она ужасно возбуждена. Эсси была прирожденной интриганкой, но я не помнила, чтобы она плела интриги ради собственной выгоды.

— Я уезжаю из усадьбы Милл, — сообщила она. — Мне уже давно пора на покой, кажется, пришло время отправиться к сестре в Шотландию.

— Неблизкий путь, — ответила я.

— О да, путь не близкий; но я приехала к вам по другому вопросу. Как вы относитесь к тому, чтобы туда отправиться?

— Куда отправиться? — промямлила я.

— В поместье Стейси. Давать уроки девочкам. Вы только послушайте. Я уже поговорила с сэром Уильямом. Он немного попортил мне крови, когда я поделилась с ним своими планами. Понимаете, он очень хочет, чтобы Эдит продолжала брать уроки... как и остальные девочки. К тому же они давно привыкли к музыкальным вечерам, и, судя по всему, ему захотелось возобновить их, когда в доме появилась молодая жена. Именно тогда у него возникло желание, чтобы в доме жил учитель музыки, который играл бы, услаждая его и гостей, и время от времени давал бы уроки девочкам. Он заговорил об этом, когда я сообщила, что уезжаю, и я тут же подумала о вас. Сказала ему, что знакома с вдовой Пьетро Верлена — талантливой пианисткой. И теперь, если вы согласитесь, он хотел бы, чтобы вы ему написали и обо всем договорились.

Я едва не задохнулась.

— Минуточку! — воскликнула я.

— Сейчас в вас говорит робость и вы станете уверять, что предложение слишком неожиданное. Все лучшее, что происходит в жизни, случается неожиданно. Вы должны быстро принять решение, иначе упустите шанс. Если вы ответите отказом, сэр Уильям сразу даст объявление, чтобы найти для девочек учителя музыки. Он чрезвычайно оживился, когда я заронила в его голову идею о вашем приезде.

Перед моим внутренним взором предстала картина: раскопки, маленький коттедж, хозяйский особняк и пара, идущая по проходу

церкви. И, конечно же, Рома... Рома не давала мне себя забыть.

Внезапно я спросила:

— А вы верите, что Рома до сих пор жива?

Она поморщилась. Отвернулась и ответила:

— Я... я не верю в то, что она могла куда-то уехать и ничего никому не сказать.

— Значит, ее похитили... или она находится в таком месте, что не может дать нам знать. Я хочу узнать... Просто обязана.

Мисс Элджин кивнула.

— Я не говорила сэру Уильяму, что она ваша сестра. Ее исчезновение выбило его из колеи. Слишком широкая огласка. Я даже слышала, он жалел о том, что вообще позволил им вести раскопки. Сами раскопки привлекли нежелательное внимание, а тут еще и ваша сестра исчезла... — Она пожала плечами. — Поэтому я не стала говорить, что вы сестра Ромы Брэндон, я просто представила вас как Каролину Верлен, вдову величайшего пианиста.

— Значит, мне следует отправиться туда... *инкогнито*, не раскрывая наших с Ромой родственных связей?

— Честно признаюсь, не верю, что он захотел бы вас нанять, если бы знал. Наверняка бы заподозрил, что вы приехали туда не ради обучения музыке, а руководствуясь иными соображениями.

— Если бы я поехала, — сказала я, — его подозрения оказались бы не беспочвенны.

Мне захотелось обо всем поразмыслить, и мы с Эсси отправились прогуляться в парк Кенсингтон-Гарденс, туда, где мы с Ромой в детстве пускали кораблики. Той ночью мне приснилась Рома: она стояла в Круглом пруду, протягивала ко мне руки, а вода поднималась все выше и выше. И она кричала: «Сделай же что-нибудь, Каро!»

Скорее всего, именно этот сон заставил меня окончательно решить, что я отправляюсь в поместье Стейси.

Я продала всю принадлежащую мне мебель хозяйке, в доме которой я арендовала две комнаты. Оставила фортепиано на хранение, собрала вещи.

Наконец-то в моей жизни появилась цель. Пьетро потерян для меня навсегда, но я хотя бы попытаюсь разыскать Рому.

- 1 Имеется в виду пьеса для тромбона с оркестром «Голубые колокола Шотландии» А. Прайора. (*Здесь и далее примеч. пер.*)
- 2 Вал Адриана — оборонительное укрепление длиной 117 км, построенное римлянами при императоре Адриане в 122—128 годах для предотвращения набегов пиктов и бригантов с севера.
- 3 От *mill* — мельница (*англ.*).
- 4 «Венгерские танцы» И. Брамса.
- 5 «Венгерская рапсодия № 2» Ф. Листа.
- 6 Исторический город в Британии, нынешний Сент-Олбанс. После римского завоевания Британии в 43 году н. э. город получил название Веруланиум или Веруламий.
- 7 Тепидарий — теплая сухая комната в классических римских термах, предназначенная для предварительного разогрева тела.
- 8 Кальдарий — одно из основных помещений римских терм, зал с горячей водой.
- 9 Фригидарий — одно из помещений классических римских терм, предназначенное для охлаждения.

Глава 2

Поезд остановился на станции Дувр-Прайори, сошло довольно много людей. Поезд стоял здесь пять минут, пока грузили почту, и когда последние пассажиры, которые сошли с поезда, миновали шлагбаум, я обратила внимание на спешащую вдоль платформы женщину. А рядом с ней шагала девочка-подросток лет двенадцати-тринадцати. Она заметила меня, выглядывающую из окна, когда пробежала мимо; потом резко остановилась, повернулась, поспешила назад, открыла дверь, и они вошли в купе.

Когда обе они устраивались напротив, женщина украдкой бросила взгляд в мою сторону, и ее дочь тоже искоса взглянула на меня. Женщина вздохнула:

— О боже! Как же я устаю ходить по магазинам!

Девочка молчала, но я видела, что обе с любопытством меня рассматривают. «С чего бы это? — гадала я. — Неужели я как-то необычно выгляжу?» Но тут меня осенила догадка: поезд от Дувр-Прайори дальше шел между маленькими станциями, и скорее всего те, кто пользовался этим поездом, — местные жители, прекрасно знающие друг друга. Так что во мне мгновенно угадывался человек посторонний.

Женщина положила несколько небольших пакетов рядом с собой на сиденье, а когда один из них упал прямо мне под ноги и я его подняла, повод для начала разговора был найден.

— Эти поезда так утомительны, — пожаловалась женщина. — Вечно перепачкаешься. Вы едете до самого Рамстейта?

— Нет-нет, я выхожу в поместье Милл.

— Неужели? И мы. Хвала небесам, что ехать недалеко... еще каких-то двадцать минут, и мы будем на месте... если поезд не опоздает. Удивительно, что вы туда направляетесь. Конечно, в последнее время у нас кипит жизнь. Эти археологи, ну, те, которые нашли римское поселение...

— Правда? — неопределенно произнесла я.

— Вы не имеете к ним никакого отношения, как я понимаю?

— Нет-нет. Я направляюсь в имение Стейси.

— Боже мой! В таком случае вы, должно быть, та молодая дама, которая будет давать девочкам уроки музыки.

— Да.

Она искренне обрадовалась:

— Когда я вас только увидела, сразу предположила, что вы учительница музыки. Понимаете, здесь так редко встречаешь незнакомцев. Мы слышали, что вы сегодня приезжаете.

— Вы тоже живете в имении?

— Нет-нет. Мы из поместья Милл... только живем не в усадьбе. В доме приходского священника. Мой муж священник. Мы в дружеских отношениях с семьей Стейси. Признаться, их девочки ходят к моему супругу на уроки. Мы живем всего в паре километров от особняка. Сильвия тоже берет с девочками уроки, верно, Сильвия?

Сильвия едва слышно произнесла:

— Да, мамочка. — И мне подумалось, что всеми в их доме командует мамочка, включая и самого священника.

Сильвия казалась воплощенным смирением, но что-то в очертании ее подбородка и поджатых губах не вязалось с этой кротостью. И я предположила, что вся эта скромность испарится, как только мамочки не будет рядом.

— Полагаю, священник обратится к вам с просьбой обучать и Сильвию, когда вы будете давать уроки девочкам Стейси.

— А Сильвия увлекается музыкой? — Я улыбнулась Сильвии, которая переглянулась с мамой.

— Увлечется, — решительно заявила дама.

Сильвия едва заметно улыбнулась, откинула назад косичку, свисающую с правого плеча. Я заметила, что пальцы у нее широкие, как шпатели, совершенно не похожие на пальцы пианистки. И уже мысленно услышала, как Сильвия мучительно терзает фортепиано.

— Я так рада, что вы не одна из этих археологов. Я была категорически против того, чтобы пускать их в поместье Стейси.

— Вы не одобряете подобного рода открытия?

— Скажете тоже! Открытия! — фыркнула она. — А какой прок от этих открытий? Если бы кто-то хотел, чтобы мы узнали об этих реликвиях, их не стали бы так тщательно припрятывать, как полагаете?

Такая удивительная логика шла вразрез с нашим семейным воспитанием, но эта убежденно вещающая женщина явно ожидала от меня ответа. Я не хотела с ней спорить, догадываясь, что ей есть что порассказать мне о поместье Стейси. Поэтому я лишь неопределенно улыбнулась, мысленно прося прощения у родителей и сестры.

— Они приехали сюда... все *разворошили*. Боже милостивый, и шагу невозможно было ступить, чтобы на них не наткнуться. Ведра, лопаты... перерытая земля, полностью *перекопанные* несколько акров парка... И чего ради? Чтобы добыть останки римлян! «Да по всей стране полно этих останков, — говорила я викарию. — Здесь они нам ни к чему». А одну из этих археологов ждал странный конец... а может быть, и не конец вовсе. Кто знает! Она исчезла.

Я ощутила, как по спине побежал холодок. Мне показалось, что я могу чем-то выдать себя, свое отношение к пропавшей. А ведь именно это я и намеревалась скрыть. Поэтому поспешно воскликнула:

— Исчезла?

— Да! Очень странная история. Еще утром она была на месте раскопок... а потом ее никто уже не видел. Она исчезла среди бела дня.

— И куда она отправилась?

— Многие хотели бы знать ответ на этот вопрос. Ее звали... как ее звали, Сильвия?

Сильвия сцепила свои пальчики-шпатели с обгрызенными ногтями, пытаясь справиться с волнением, и на мгновение мне подумалось, что она встревожилась из-за того, что ей что-то известно об исчезновении Ромы. Но потом я поняла, что она просто до дрожи в коленках боится собственную мать, особенно когда та задает вопрос, ответ на который Сильвия не знает.

Однако она вспомнила:

— Ее звали мисс Брэндон. Мисс Рома Брэндон.

Ее мать закивала:

— Да-да, Брэндон. Одна из этих женщин, совершенно не похожих на *дам*. — Она передернула плечами. — Что-то копала! Лазила в ямах! По-моему, не пристало девице этим заниматься. Скорее всего, это наказание за то, что потревожили прошлое. Некоторые верят, что это кара из-за раскопок. Скажете, предрассудки? Это... с чем бы ни было связано ее исчезновение... случилось потому, что она *потревожила*

прошлое. Своего рода проклятие. Мне кажется, это должно стать уроком для остальных археологов.

— Но сейчас все уже уехали? — спросила я.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

Рекомендована література

Шокова терапія

Юмористические рассказы

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ